РАЗДЕЛ VI. ФИЛОСОФИЯ

Гаранина О. Д., Воробьева С. В.

Вариации антисциентизма в оценке достижений современной науки

*Московский государственный технический
университет гражданской авиации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-04-2019-80

idsp: ljjournal-04-2019-80

Аннотация

Актуализация антисциентистских подходов к оценке развития научного знания, ориентированных на рефлексию негативных следствий внедрения инновационных наукоемких технологий, качественно преобразующих все сферы социальной жизни, обусловлена стремлением научного сообщества выяснить глубину вторжения научного познания в социальные процессы, определить пути его гуманизации. Авторы рассматривают антисциентизм как концептуальное решение проблемы объективной оценки роли науки в «обществе знаний», сформировавшееся в философии в ответ на сциентистские попытки превратить науку в единственный драйвер социального развития.

Ключевые слова: антисциентизм, сциентизм, наука, научное познание, критика науки, ценности, общество знаний, информационное общество, гуманитарная экспертиза.

Abstract

The actualization of antiscientist approaches oriented to the reflection of negative consequences of the introduction of innovative high-tech technologies that qualitatively transform all spheres of social life is due to the desire of the scientific community to determine the depth of the invasion of scientific knowledge into social processes, to determine ways of its humanization. The authors view antiscientism as a conceptual solution to the problem of an objective assessment of the role of science in the "knowledge society", which was formed in philosophy in response to scientistic attempts to turn science into the only driver of social development.

Keywords: antiscientism, scientism, science, scientific knowledge, criticism of science, values, knowledge society, information society, humanitarian expertise.

Общепризнанной тенденцией развития научного познания выступает ускорение роста объема знаний. Объективными основаниями этого процесса являются не только достижения в области научной методологии, что подкрепляет дискурсы эпистемологии интернализма, но, главным образом, стремление человечества к освоению природных и социальных ресурсов во все увеличивающихся масштабах. В настоящее время изменение всех сторон жизни социума приобретает направленный характер, цели которого фундированы научными знаниями. Однако, констатируя прогрессивное развитие научных знаний, необходимо иметь в виду параллельный процесс, содержание которого составляет расширение проблемного пространства непознанного, о чем уже достаточно активно говорят представители физики как классического вида научного знания, инкорпорируя в науку такие, например, понятия как «темная материя», «тёмная энергия». Объем непознанного, имеющийся на современном этапе развития научного знания, значительно превышает масштабы и сложность нерешенных научных проблем, стоявших перед наукой предшествующих веков. Таким образом, в развитии науки объективно обнаруживаются противоречивые эпистемологические следствия: с одной стороны, растет объем знаний и, соответственно, увеличивается власть человека над природными и социальными силами, с другой стороны – все отчетливее обнаруживается неспособность

человека не только овладеть сущностными основаниями бытия, но и использовать полученные знания для блага человечества. Конечно, если следовать сократовскому призыву познавать непознанное, проистекающему из тезиса «я знаю только то, что я ничего не знаю», недостаток знания стимулирует эпистемологический процесс. Однако, если посмотреть на рассматриваемую проблему с социальных позиций, встает вопрос не только о могуществе, но и о слабости человека в познании мира. Рост эпистемологических ресурсов человечества неизбежно инвертируется в непредсказуемость, неконтролируемость, нарастающую рискогенность последствий применения научных знаний. Осмысление этого противоречия актуализирует проблему социально-гуманитарного контроля развития научного познания.

Проблема оценки результатов научных исследований с точки зрения блага человечества, обсуждение которой инициировало антисциентистскую линию в эпистемологии, была поставлена еще в XVIII веке Ж.Ж.Руссо, который двести пятьдесят лет назад в небольшом эссе, подготовленном на конкурс, объявленный академией г. Дижона по теме «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?», убедительно обосновал дискурс об отрицательном воздействии достижений науки на духовную жизнь общества, утверждая, что гибель нравов определена развитием цивилизации, ведущем к искусственной и вырождающейся жизни [1].

Французский мыслитель рассматривал достаточно узкую проблему негативного влияния науки на нравы общества, однако по мере экспансии научных знаний во все сферы общественной жизни и превращения их в технологии, произошло значительное расширение границ её содержательного пространства, в которое сегодня включаются не только нравы (и мораль) людей, но и психика, телесное здоровье, социальные отношения, среда обитания и т.д.

Целевая задача антисциентистской ориентации в современной эпистемологии заключается в осмыслении негативных следствий внедрения достижений науки во все сферы жизни людей, и пессимистичные настроения антисциентистов только растут в связи с отсутствием предпосылок интенции научных исследований на получение результатов, которые могут быть применены исключительно во благо человечества, а не, например, во имя коммерческой выгоды или на военные цели. Антисциентизм в философии традиционно рассматривается как концептуальное направление, обосновывающее необходимость критической оценки науки и ее роли в современном обществе. Причем эта оценка может быть даже резко отрицательной по отношению к развитию науки в целом. Но можно ли утверждать, что антисциентизм отрицает научное познание с его подчас непредсказуемыми, рискогенными результатами или же надо признать, что в его контексте решается важная для выживания человечества на современном этапе глобальная проблема недостаточности (ограниченности) научных знаний для успешного цивилизационного развития и осуществляется поиск выхода из этой непростой эпистемологической ситуации?

В научной традиции различают несколько устоявшихся вариаций антисциентизма, различающихся по уровню критичности отношения к науке. Умеренный вариант критикует не концепцию сциентизма, агрессивно отстаивающую свою позицию и отрицающую право на иное мнение, а акцентирует внимание на негативных аспектах научного развития. Этот подход в метафорически-художественной форме был представлен в романе М. Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818), презентующем (впервые в мировой литературе) сюжет об ученом, открытия которого губительны для человечества. Этот сюжет, отмечают исследователи, представляющий «смысловой стержень антисциентизма, стал на перекрестке тысячелетий одной из наиболее философски значимых и обсуждаемых тем не только в научных сообществах, но и в широких культурных кругах. Содержательная метафора романа ориентирована на привлечение внимания к превращенным итогам деятельности человека, стремящегося использовать научные знания для получения полезных результатов, но обманувшегося в

своих устремлениях» [2, с. 41]. Образ Франкенштейна, утверждают философы, олицетворяет собой реальную угрозу, которую несет с собой наука, вмешиваясь в самые потаенные сферы жизнедеятельности и сознания человека [3, с. 6].

Рассмотрение последствий инновационных трансформаций социума в процессе внедрения научных достижений центрировано в исследованиях как западной, так и отечественной социально-философской мысли. Э. Тоффлер в знаковой работе «Шок будущего» обращал внимание на скорость процесса социальных и технических изменений, утверждая, что благодаря бесконтрольному развитию науки и техники преобразования в обществе настолько быстры, что адаптироваться к ним для индивида все сложнее. Ранее темпы социальных изменений позволяли крупным преобразованиям уложиться в годы жизни одного поколения. В наши дни этот процесс проходит значительно быстрее: «Мы сейчас переживаем наиболее экстенсивную и быструю урбанизацию... Та же тенденция ускорения постоянно проявляется в потреблении человеком энергии... Такие перемены в соотношении старого и нового воздействуют подобно электрическому разряду, на привычки, убеждения и самовосприятие миллионов людей. Никогда в предыдущей истории это соотношение не изменялось так радикально за столь краткое мгновение времени» [4, с. 21]. Умеренная вариация антисциентизма направлена против абсолютизации практических возможностей науки, выдвигая на первый план необходимость гуманитарной оценки и контроля всех внедряемых инноваций, не отрицая в целом роль науки в прогрессе всего человечества. При этом умеренный антисциентизм утверждает, что не только научное познание детерминирует социальные процессы, немаловажную роль здесь играют гуманитарные факторы, в том числе политическая система, образование, искусство, религия, мораль и эмоциональный настрой отдельных личностей.

В русле умеренного антисциентизма философская общественность также обращает внимание на потенциальные опасности, обусловленные коммерциализацией науки. В современном обществе знание становится товаром, обладающим определенной стоимостью. И актуальность того или иного знания (независимо от негативных следствий его практического использования) формируется спросом на него со стороны государственных ведомств и частных корпораций, имеющих возможность финансирования научных исследований: «наука становится изготовителем и поставщиком в соответствии с заказом знания-товара в обмен на «всеобщий эквивалент». Учёные и научные коллективы тем самым включаются в систему рыночных отношений, где действуют законы купли-продажи, конкуренции и ничего более» [5, с. 43]. Это ведет к изменению фундаментальных установок науки о самоценности нового знания.

Радикальная версия антисциентизма менее обходительна в своих оценках последствий развития науки. Мнения сторонников данной версии простираются от мнения о полной невозможности развития науки без негативных последствий для общества до утверждения о том, что любой тоталитарный политический режим использует научные теории для порабощения масс людей и управления ими. Представители радикального антисциентизма «с политическим окрасом» говорят о том, что тоталитарные режимы предлагают разные модели переделки устройства мира, однако каждая из подобных концепций хоть и базируется на определенных научных выкладках, является негуманной и чужда естественному положению вещей в обществе. Подобные идеи антисциентизма взяли на вооружение многие оппозиционные движения, такие как антиглобалисты, хиппи и т.п.

В XX веке широкую популярность обрел жанр антиутопий, в которых обстоятельно обсуждается тема критики дискурсов о возрастающем и нерегулируемом господстве науки в жизни общества. В произведениях Д. Оруэла, Р. Брэдбери, Е. И. Замятина, О. Хаксли, братьев Стругацких и других авторов детально представлен сюжет об отсутствии будущего в обществе, где главенствуют наука и идеология, а люди являются лишь крошеными винтиками системы, лишённые чувств, мыслей,

привязанностей и простого человеческого общения. Утопические представления об идеальном мире, ожидающем людей будущего, мире, разделенном на жесткие касты, классы и социальные группы посредством генных модификаций и развитием когнитивных и социальных технологий, обращают внимание читателя на невозможность пренебрежения гуманитарным знанием как единственной возможностью, по их мнению, анализа текущей социальной ситуации и наполнения человеческой жизни смыслом.

В качестве доказательств состоятельности своих взглядов антисциентисты выдвигают множество аргументов. Одна из наиболее популярных претензий к сциентизму сводится к утверждению, концептуально оформившемуся еще в неокантианстве, о невозможности применения методов естественных наук к исследованию социокультурных объектов и к очевидной необходимости распределения научных проблем в зависимости от изучаемого вопроса. Социальные процессы уникальны и единичны, познать их методами естествознания нельзя, их можно понять и истолковать (субъективно). Отсюда следует логичный вывод о бессилии познать перспективы развития общества средствами науки (каковой считается только естествознание).

Важнейшим нюансом, о котором ведет речь антисциентизм, является социально-гуманитарная оценка последствий научного и технического прогресса. Использование достижений науки в военной сфере для создания оружия массового поражения различных видов, техногенные катастрофы, аварии на производстве, экологическая ситуация в мире, вмешательство в генную структуру человека – все это ставит под угрозу само существования человеческой цивилизации и может повлечь антропологическую катастрофу. Представители антисциентизма утверждают – и небезосновательно! – что происходит это из-за отсутствия должной гуманистической экспертизы и оценки внедряемых научных открытий [6; 7]. Эта экспертиза должна быть комплексной, то есть осуществляться представителями разных областей научного знания, и независимой от государственных и коммерческих структур. Однако создание такой экспертизы сегодня осложнено социальной ангажированностью науки, её глубокой коммерциализацией.

Многочисленные примеры научных исследований, представляющих опасность для здоровья человека, позволяют согласиться с тревогой представителей антисциентизма, предупреждающих об эпистемологических угрозах. Эпистемологические угрозы мы рассматриваем как потенциальную опасность результатов научных исследований, целевая ориентация которых не была подвергнута социально-гуманитарной экспертизе. Следовательно, задача последователей антисциентистской линии в науке и культуре должна быть интенсифицирована на поиск решений социальных проблем, возникающих в результате развития науки, и оценку последствий практической реализации научных открытий. Аргументация антисциентистской направленности заслуживает внимания на современном этапе развития общества, так как она предполагает, при сохранении фундаментальных установок науки, разработку ее гуманистического измерения, фундирующего новые стратегии развития цивилизации.

1. Руссо Ж.Ж. Рассуждение о науках и искусствах // Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: В 2-х т. Т.2. М.: Педагогическая литература, 1981. С.20-42.
2. Гаранина О.Д. Социальные фобии миллениума: наука в образе Франкенштейна // Научный вестник МГТУ ГА. 2012. № 182. С. 40-45.
3. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М., 2004.
4. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
5. Хамидов А.А. Общество знания как проблема социальной философии // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 42-51.
6. Гаранина О.Д. Перспективы человека в мире информационных технологий: от Homo sapiens к Homo informativus // Общество: философия, история, культура. 2017. № 10. С. 9-12.
7. Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Выпуск 7. М.: ИФ РАН, 2013.

Рассказова А.Л.

Анализ категории «взаимоотношения» в философии

ИПССО ГАОУ ВО МГПУ

(Россия, Москва)

doi: 10.18411/lj-04-2019-81

idsp: ljournal-04-2019-81

Аннотация

В статье в историко-философском контексте прослеживаются взгляды представителей различных направлений и школ на происхождение, развитие и сущность человеческих отношений.

Ключевые слова: мораль, императив, «концепция разумного эгоизма», индивидуалистическая антропология, коллективистская социология.

Abstract

In the article in the historical-philosophical context, the views of representatives of various schools and schools on the origin, development and essence of human relations are traced.

Keywords: morality, imperative, "concept of reasonable egoism", individualistic anthropology, collectivist sociology.

Постараемся взглянуть на проблему связи человека и других людей с точки зрения понимания его природы на разных ступенях социальной эволюции, постараемся понять, какова роль общества в формировании сложного мира человеческих взаимоотношений. Человечество на всем протяжении своего существования в лице философов, историков, филологов, эстетиков переживало именно потерю «человеческого» в сложной ткани межличностных взаимоотношений, в то же время, выражая надежду, что человечеству для выживания необходимо обрести доверие к людям и способность понимать других, хотя ни способы воспитания в раннем детстве, ни способы взаимодействия в реальном взрослом обществе не должны были бы поддерживать эту утопическую мысль.

Тема исторического анализа генезиса и эволюции понятия «взаимоотношения» достаточно специфичная для представителей различных научных дисциплин, направлений и школ, тем не менее, попытаемся хотя бы кратко восстановить узловые точки истории формирования понятия «взаимоотношения» в философии.

Наиболее вероятно, что стойкий научный интерес и пристальное внимание к термину возникло первоначально в философско-этических трактатах, рассматривающих с одной стороны проблемы любви и дружбы, с другой стороны – нормы и правила поведения в обществе.

В древнекитайской философии и в философии древней Индии особое внимание уделяется проблемам соблюдения различных ритуалов поведения, связанных с высшими законами. Ритуал как средство выражения межличностных отношений, по мнению В.И. Сафьянова, играл двоякую роль, с одной стороны четкие предписания правил поведения исключали свободное проявление своего «Я», с другой стороны создавали ощущение прогнозируемости, постоянства, устойчивости бытия. Цель ритуала – добиться внутрисоциальной гармонии. Древнекитайский философ Конфуций, провозгласивший приоритет ритуала в повседневной жизни, тем не менее, отмечал, что в основе любого ритуала лежит принцип добродетели и человеколюбия. Он не был первым, кто сформулировал «золотое правило этики» - «не делай людям того, чего не желаешь себе», эта максима так или иначе встречалась в древних культурах и в философии Нового времени, известная как «категорический императив Канта», но признание человеколюбия основой отношений между людьми принесло славу Конфуцию. Если деятельность Конфуция была пропитана идеями нравственного усовершенствования общества, то другой мыслитель Лао-цзы отказываясь от подобной терминологии, считал, что человеколюбие и добродетель в отношениях обусловлены естественной природой человека, представлены как его изначальная сущность.